

Михаил Сопин

МОЛИТВЫ ВРЕМЕНИ РАЗЛОМА

*Читайте в номере
очерк о детстве
поэта «Мальчик
с Огненной дуги»*

* * *

Умудриться бы
В доброй стране как-нибудь
Без ночных визитеров
Свой крест дотянуть.
Для кого и зачем
Я все это пишу?
Свое сердце
От памятной боли гашу:
Целовали меня
Сапогами вчасос,
И приклады,
И карцерный хлеб перенес.
Значит, здесь я не лишний.
Знать, для черного дня
В летописцы
Всевышний
Готовил меня.

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

Глебу Сопину

Мне страшно: а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалуюсь
Белому полю,
Чтоб голос мой
Слышала мать:
«Мне холодно, мама,
Я стыну.
Мой голос звучит или нет?»
Торжественно. Людно. Пустынно.
Ни слова, ни звука в ответ.
Россия, родимая, стыну.
Метелит в бурьяне былье.
И в снежную тонет пустыню
Прощальное
Слово мое.
Бессмысленно-медленно стыну.
И нет многолюдью конца.
Убитому
Жалуюсь
Сыну
На участь
Живого отца.

ЗОДЧИЕ

Пустив по кругу шкалик,
Народ
Лепил
Божка.
Рождался полукарлик,
С ухваткой мужика...
Не чувствуя напасти,
Толпа гудит хмельней.
А карлик — ближе к власти.
А он уже — над ней:
Стоит над серым роем
Верховным толмачом,
Зовет народ героем.
А сделал — палачом.
Велит немым молиться.
Слепцам — поклоны класть.
Стреляет пастве в лица,
Отняв у Бога власть.
Чуть зыркнет —
Мы немеем,
Вдыхая страх крутой...

И стал
Народ
Пигмеем
У карлы под пятой.

* * *

Где-то мыслят.
Здесь фальшиво верят,
Прикрывая фальшью
Зад и перед.
И уже который век подряд
С пьяною слезой,
Под «аллилуйя»,
Восхваляют жизнь свою былую
И о новой.
Светлой, говорят...
Продолжайте обольщать надеждой.
В самопоение лгите вновь,
Чтоб опять под серую одеждой
Черною взбурлила злобой кровь.
Было!
На округу шла округа,
Брат на брата:
Резали друг друга...
Левое и правое крыло
Красною
Метелью
Замело.

* * *

А. Колосову

Если пусто впереди,
Нет вернее средства:
От себя не уходи,
Отправляйся в детство...
Вспомни юности дымок —
Нищету «на вырост»!
И поплачь,
Как прежде мог,
Ничего, что вырос.
Мы не братья, не семья,
И оставим это.
У другого для себя
Не проси совета!
Плачут радость и беда,
Смертные и боги.
Откровение всегда
У конца дороги.

* * *

Нет, жизнь моя
Не горький дым.
Я не свожу с тобою счеты,
О чем ты, Родина,
О чем ты?
Я жив
И, видит Бог,
Любим.
Могли бы все пройти вдвоем!
Не по моей вине разлука...
Пришел,
А в имени твоём
Ни смысла прежнего,
Ни звука.

* * *

Не много ли для нас
Трагедий века?
На что способен век
Без человека?
Трагично не столетье
И не год,
А слепоте подверженный
Народ.
Смешалась боль
Святых и подлых.
Не панацея —
Меч и щит.
Понятный в молодости подвиг
Иначе в зрелости звучит.
Больных идей,
Пустых идиллий
Нет сил осмыслить,
Боже мой!
Куда бы мы ни уходили,
Какой бы бред ни городили,
Придется двигаться домой.
Ни бег нас не спасет,
Ни битва.
Ни триединство,
Ни чума.
В себе — алтарь.
В себе — молитва.
В себе —
Свобода
И тюрьма.

* * *

Не вчера не стало пыла.
Был да высох.
Как роса.
Испокон
Надежда выла
На дурные голоса.
И опять дымит кадило,
Продолжается аврал:
Снова глупость победила,
Снова разум проиграл.
Быдло стряпает культуру.
Пробегают сердцем дрожь —
Впустят дуру
В диктатуру,
Вновь костей не соберешь.
Явь крутехонькая зрится.
Память стынет на нуле.
След ежовой рукавицы
У России на скуле.

10-15. 10 96

* * *

Обычное слово простое
Упало в пространство пустое:
Разлука.
И больше ни звука.
И все. После этого слова
Пылают
Страницы
Былого.
Мы знаем при жизни
Друг друга,
Не зная —
Как пламя и выюга...

25.4.97

* * *

Десять лет просвистели.
Слов осталось былье.
Совесть —
Шлюха в постели.
Честь —
Товарка ее.
Вера общества — ветошь.
Балаган. Шапито.
Сам в себя не поверишь,
Не поверит никто.
Глас народа —

Насмешка,
Черный юмор в альбом,
Обреченная пешка
При раскладе любом.
Чернь бездумна и дика,
Что сегодня,
Что встарь.
Сам себе я владыко.
Сам набат и звонарь.

15.10.97

* * *

Прошел дорогой вкривь и вкось.
Все делал, что страна велела.
Так много
Боли запеклось,
Остыло.
Но не отболело...
С тех пор.
Как был распят Христос,
С мечом шла милость на немилость.
Так много крови пролилось,
Чтоб ничего не изменилось.

22.1.99

ДВЕ СТРАНЫ

Уже не листопад.
Еще не гололед.
В душе и за окном
Октябрьская прохлада.
Какое счастье —
Жить
И знать, что все пройдет,
Что не к кому спешить
И сожалеть не надо!
Живу в другой стране.
Звонят колокола.
Из той, где прежде жил —
Ни отклика, ни звука.
Всё — думы. Всё — дела.
И память подвела —
Когда и с кем была
Последняя разлука.
Гуляю иногда,
Вдруг резкий окрик:
«Стой!»
И замедляю шаг,
С трудом соображая,

И с болью сознаю, —
Я той стране
Не свой,
Чужой я для нее.
А эта —
Мне чужая.

* * *

Митингуют бедные распято:
«Защитим
Святыни
От распада!»
И слова как будто бы милы,
Но в устах толпы —
Венец хулы.
Все давно отыграно:
Парады,
Транспаранты,
Маски и щиты...
Защити меня от дряхлой правды.
Умоляю. Боже,
Защити.
Я тону в людской словесной ржави,
Не кочевник
И не вечный жид:
Жизнь моя принадлежит
Державе,
Смерть моя принадлежит
Державе...
Что же лично мне
Принадлежит?

* * *

Сын греховного рода.
Мысль меня создала.
Моя правда —
Свобода.
Моя вера —
Дела.
В них ликую и стражду.
И молюсь.
И творю.
Власти брэнной не жажду.
Не для славы
Горю.
Не стремлюсь за советом.
Не пою старый гимн.
Остающимся светом
Помогаю другим.
Жизнь меня научила

Различать наперед:
Где — лицо,
Где — личина,
Где — табун,
Где —
Народ.

27.10.99

* * *

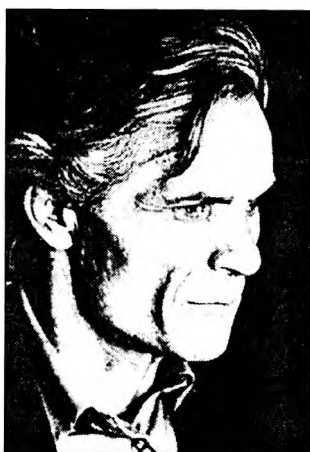
Свободой высвечены лица.
Страна на жестком выраже.
Сейчас
История
Творится —
Шестое действие уже.
Межвластье. Смута. Незнакомо.
Герон
Первые
В гробах...
Молитвы
Времени
Разлома
Блуждают смутно на губах.

* * *

Не без труда,
Не без труда
Я перестраиваю лиру!
Стремительно идут года.
Мысль ближе
К городу
И миру.
Живут цветы могильных
плит! —
Я уговариваю тело:
Все на земле
Переболит.
Какой ценой —
Другое дело...

24.10.99

(Продолжение следует.)

Михаил Сопин

И ПАМЯТЬ ИЗ ПРОШЛОГО НЕ ОТПУСКАЕТ МЕНЯ...

* * *

Я не знаю судьбы бесприданное,
Но запахнет травой в укос!..
Ах, душа, не зови
В поле раннее.
Где так нежно,
Так горько жилось.
Где то было:
Певали повечеру
О замерзшем в степи ямнике.
И лошадины губы доверчиво
На моей замирали щеке.
Все пропало.
Вдруг рывкнули траками.
Рухнул храм.
Пала пыль по росе.
И пошла моя жизнь буераками,
Резко взяв стороной от шоссе.
Сколько лет было лютых и снежных!
Но едва лишь забьется «ку-ку» —

* Продолжение. Начало в № 1, 2007 г.

Пробуждается тихая нежность
Стебельком ярвым на току.
Край полей,
Сторона аномалий,
Полюбил я печаль и вину —
Все, что женщины вдруг понимали,
В полыньи моих глаз заглянув.
Что прошел с той поры,
Что проехал!
Но с полей
Тишины и войны
Все зовет меня
Черное эхо
В две,
Навек болевых,
Стороны.

* * *

Родные
Плачущие вербы,
Глухое
Дальнее село,
Я не любил бы вас,
Наверно,
Так обреченно,
Так светло,
Когда б над каждым
Черным злагом
У пепелищ,
У скорбных ям
До жгучей лютости не плакал.
Отчизна светлая моя!

* * *

Живых из живых
Вырывали без списков осколки.
И вечностью было —
До третьих дожить кочетов.
Мы шли в неизвестность —
На год, на мгновенье, на сколько?
Живые с убитых
Срывали в дорогу кто что.
В большом лихове
Достаточно малого блага:
Ладони в колени,
Свернуться, в скирду завалясь.
И грела живого
Пробитая пулей телега.
Так нынче — уверен! —
Не греют «тузов» соболя.

И снилась не бойня,
Не трасс пулеметных качели:
Мне — кони с цветами в зубах,
Их несла половодьем весна.
О сколько ж их было
В судьбе моей,
Страшных кочевий!
И видевших сны,
И не вставших из вечного сна...

ЗАБРОШЕННАЯ УЗКОКОЛЕЙКА

Плачу я, что ли,
Листовою осеннею наземь...
Что-то привиделось,
Что-то припомнилось мне...
Поле ты, поле,
Единственный свет мой
И праздник!
Тени дождей,
Отраженные
В давнем окне.
К ним припаду,
Чтобы памятью
Здесь отогреться.
И загудят
Мне в зеленых полях
Поезда!
И зазвонят
Проржавевшие
Старые рельсы,
Что заросли
И теперь
Не ведут никуда...

ЛОСЬ

Вспыхнет выстрел.
Стает дым зыбучий.
Заскольжу я,
Будто бы по льду.
Закружусь
Отчаянно и жгуче
И к земле
Печальной припаду.
Припаду теперь
Уже навеки,
Вечность
Сердцем
Ощувив в ночи,
Как снежок
Опустится на веки,
Птица-ворон

Что-то прокричит.
И заплачу.
Горлом перебитым
Прохриплю
В нетленный свет небес
О душе,
Сорвавшейся с орбиты, —
В первый раз
О жизни и себе.

* * *

Разбег и равнина!
Ответь.
Где предел тебе,
Воля?
В просторы врываясь,
Года разметав по пути,
Мои табуны
В предзакатном пластаются поле.
Нет власти над ними,
Не смог обретаť и пасти.
Вина ль моя в том,
Что прошел по декабрьской дороге,
Не мною придуманной,
С горьким названием —
Жизнь?
Прости меня,
Месяц.
Попутчик полей круторогий,
За раннюю глупость
Тропинку в степи укажи.
И лунно, и звездно,
И свет из окошка у брода.
Прощально так помню —
Исхлестанный волнами челн...
Стою над обрывом,
Улыбчиво плачу о чем-то:
О раннем,
О позднем,
Да мало ли, друг мой, о чем.

ДОЖДЬ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Низкое небо.
Подводы.
Ночь. Непокой. Неуют.
Дождь сорок первого
Падает в память мою.
Медленно.
Косо.
Отвесно.

Кажется —
Вечность шуршит
Каплями будущих песен
В детское поле души.
Будто бы хочет впечатать
Все, что кончается здесь:
Неповторимость печалей,
Неповторимость дождей,
Неповторимое детство —
Этот мгновенный пролог,
Зная,
Как долго мне греться
Памятью этих дорог.

* * *

Над старою пустых колоколен,
Когда выстнут в полночь сычи,
Руки выпластав
В аспидном поле,
Безответно душа прокричит.
Тишина. Пролетает зарница.
Глухота. Дольный ветер утих.
Может быть, это давнее снится —
Вижу сам себя в минном пути?
Зной донской по траншейным
уступам?
Что ж, оставим потери свои.
Мы за всех бесконечно преступны,
Кто сорвется.
Сойдет с колен.
Кто — без принципа,
Кто — по уставу.
Жизнь моя,
Окликай их вослед.
Убеждай,
Что еще не устал я
Жить и верить
На этой земле.

* * *

Вернуться б, вернуться.
Молвы разминировать поле!
Не надо. Не стоит.
Слепцы, мне плевать на ваш суд.
Живет моя Родина,
В сердце моем ее доля.
И ветры всепамятя
В мир мои крылья несут.
Чтоб мог я поведать
О судьбах, что вы растоптали

Расправой судилищ.
Спихнув под стволы егерью.
Вы той же вождистской,
Кровавой машины детали.
Сам жертва и мытарь,
Поэтому я говорю:
Царит летаргия.
Возня о свободе, не боле:
Вот — хватки, вот — лица,
Куда мне от них! Вот они...
— Так жаждал я воли!
А вышел
Все к той же неволе —
Как будто у края
Разверстой завис полыны.
И вздрогну от мысли:
Что сердце у них на прицеле:
На что опереться,
На чем задержаться, на чем?!
У бездны стою,
А считал — у достигнутой цели.
Легчайшего ветра
Достаточно.
Ветра в плечо.
Так мало желанного.
Так нежеланного много.
Гонимый и клятый,
Прожил я
Судьбу беглеца:
Облавы,
Расправы,
Потери по дальней дороге,
По дальней-по дальней,
Которой не видно конца.

ЛУНА ЛУГОВАЯ

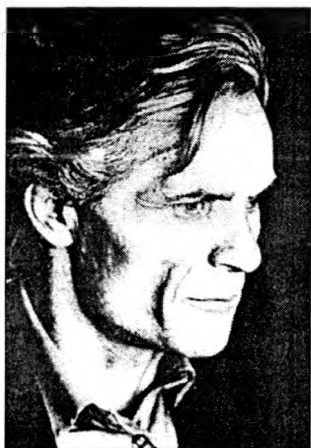
Луна луговая.
В просторе подлунном — могила.
Заброшенный холмик —
Как пайка в платочке-узле.
Чья стежка здесь кончилась?
Чья здесь надежда погибла
На милой и проклятой
Нашей российской земле?
На наших метельных просторах
Всегда несогрето.
Уют наш в надеждах,
В мечтаньях — Бог знает о чем...
Пусть мало,
И все же
У краешка бабьего лета

Кого-то касался я,
Грея последним лучом.
Табун прошлых лет
В невозвратном далече пасется.
Оставь это, память.
Устал я с той кладью в пути.
Луна луговая,
Ночное цыганское счастье,
Как в детстве когда-то,
В седины мои посвети.

* * *

Облака. Облака
Над летящими в хмарь колокольнями
Ветры гонят и гонят
Остатки легенд и былин.
Чем-то мне мою жизнь,
Мою ниву судьбы так напомнили
Сиротливые церкви
И тучи в бездонной дали.
Чувство вечных утрат,
Непонятно каких опасений,
Разобрать не могу —
На каком языке говорят.
Будто я, проходя,
Упаду в гололедье осеннем,
И прольется навек
Невзначай опрокинутый взгляд.
Мокрый снег полетит
На ресницы:
Так грустно, так цепко!
Поплывут облака,
Осенив мой печальный удел.
А над берегом так же
Стоять будет русская церковь,
На которую я,
Проходя по России,
Глядел.

(Продолжение следует.)

Михаил Сопин

СУЖДЕНО ЛИ НАМ ВЫЙТИ ИЗ КРУГА...

О к о н ч а н и е.
Начало в № 1,2,
2007 год

Мы входили в жизнь без идеологических шор, с широко распахнутыми глазами от бомб 1941 года. Мои откровения не давались мне через лозунги и декреты. Всегда — через личные потери, через страдания. Мы искали в правителе высшего судию, а находили в рабе палача. Мы жаждали от сильного покровительства, а находили в слабом садиста. Мы искали в незнакомом друга, а находили в кровном врага... Мы собачьими глазами просили у общества участливой нежности, а общество обеспечивало нас ненавистью по высшей категории. Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть. Так было до тех пор, пока я не увидел, что ненависть плачет беспомощными слезами... Почему? Потому что наша ненависть являла собой бессмысленную, щенячью форму самозащиты, рассчитанную на милосердие, от обнаженной общественной дикости. Мы входили в мир без идеологических шор и уходим без иллюзий. Именно это укрепляет меня в убежденности: рано или поздно, при мне это произойдет или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретет человеческий облик. Так думаю. Над этим работаю.

2002

Мих. Сопин

Ребятишки под радугой!
 Издали — солнечнотелые!
 Поразительность вечности.
 Миру — ни края, ни дна.
 Облака над горой
 Развернулись хоругвями белыми.
 Поезд, в вечер въезжая,
 Дал голос у Песочина.
 Ах ты, степь моя,
 Родина,
 Тропка, бегущая ровненько.
 Это нынче я знаю,
 Что только лишь шаг — и к войне.
 И кусками, стоп-кадрами
 Рвется и крутится хроника,
 Черно-белая лента
 Монх догорающих дней.
 А над гаем сычи
 Человечески ухнули-охнули.
 А потом далеко-далеко,
 Будто выплеск крыла...
 Прошумело-прошло,
 Словно дождь за железными окнами
 Или снег низовой.
 Может быть,
 Это жизнь и была...

ДЕТДОМОВЦАМ

Дорогие мои,
 Дорогие... У стынувших зарев
 Я до смерти согрет
 Клеверинкой у кромочки льда.
 Мои лучшие сны —
 Суетня привокзальных базаров.
 Моя нежная мама —
 Степная безлюдная даль.
 Кукушата страны,
 Злого века больные побеги,
 Горемычные братья,
 Порубанных рош соловьи!
 Где ваш след отыскать?..
 Вы пропали,
 Мои безнадёги,
 На казенных полях
 В арестантских одеждах своих.
 В нашей «юной стране»
 Нас прогнали,
 Как скот, батогами,

Изначальную чуткость
Втоптав сапожищами в грязь.
С края в край СССР
Я, цинготник,
Истопал ногами,
Босиком, босяком,
В лихолетьях душой не смирясь.
У хрипящих болот
Отзовитесь мне пеплами палей,
Кукушата земли,
Изувеченных рощ соловьи!
Так мне тяжело за тех,
Что, не спев своих песен, пропали
На ничейных просторах,
В казенных одеждах своих.

* * *

В воронках, у стенки,
Во рвах, на холмах, у рябинки —
По отчему краю
Без вас не отыщешь версты:
Могилы забвенья,
Фанерные звездочки, бирки,
Крест-накрест березы
Да русские в поле кресты.
Я ветры прошу,
Ребятишкам шепчу:
«Осторожно
Касайтесь камней,
Чернобокой ракиты и трав.
Здесь — думы страны,
Без чего вам прожить невозможно...»
Взывающий к миру,
Глаза застилает мне прах,
Проходит сквозь ставни,
Влетает в холодные сенцы.
Разбиться-забиться,
Не выкричать
Лиха в лета.
Так свято, так тяжело,
Отчизна,
Не знаю — как сердце
Не ахнет фугасом,
Вобрав свою боль
И впитав.

РОЖДЕННЫМ В ТРИДЦАТЫХ

Родина моя, Родина,
Сколько нас в рабы отдано?

Сколько нас в бегах брошено
В месиво войны, в крошево?
Сколько нас в полон вгажено?
В лагеря страны — заживо?
Сколько по земле беженцев?
Сколько от вина вешенцев?
Сломленных в мешках каменных?
Мертвых и живых,
Маминых...
Молодость моя?
Эхо ли?
В разные края
Ехали:
В пухлые года,
В травы ли —
Все туда, куда правил.
Горечи испив, стаяли.
Вьюги по степи —
Стаями...

ОБЕЛИСКИ

От себя голова поседела.
Соучастьем других не дури:
Я б сегодня
Под дулом не сделал,
Что бездумно вчера натворил.
Чьим восторгом шалел,
Словно бредом?
Не своей правотой принимал...
Забывал,
Где ударил, где предал,
Поглупев от чужого ума.
Доброта ли, любовь — показуха!
Глубоко безразличен ко всем.
Потому-то и в глотке не сухо —
То в соленой, то в горькой росе.
Только нет,
Не оглох я от быта.
Мне и мертвому боль суждена.
Кем-то, может,
Но мной не забыта
Ни своя, ни чужая вина.
Где-то мы от родимых и близких
Ради мест призовых отrekliсь,
И глядят сквозь снега обелиски
С болевой
Напряженностью лиц.

* * *

Преступно. Каторжно. Невинно.
Земные странные дела:
Одним — кровавая рябина,
Другим — черемуха цвела...
А мне шумят кресты и клены,
Шумят над белой головой:
«Вставай, проклятьем заклейменный!» —
Сквозь сумрак полувековой.
О братья, братья:
Так непросто —
В живом и мертвом я строю
Встаю,
Забитый на допросах,
Над бездной лагерной встаю.

ТОПОЛЕК

Подари мне листок, тополек,
Золотого оклада иконку.
Ты своею листвою поблек.
Я своей облетаю тихонько.
Сердцем чувствую
Ласку и боль,
Болевое щедрей выдается.
Мы до грусти похожи с тобой,
Отражаясь в судьбе,
Как в колодце.
Я тебя понимаю, дружок,
До глубинных корней понимаю.
Сам не раз свою душу ожег
О бураны
На подступах к маю:
В балагане для массовых сцен
Одиночкой пропел я во поле.
Был свободным
Меж карцерных стен
И невольником классовой воли.
Путь земной мой
Едва ли далек.
Жизнь нас рубит,
Что яростный конник.
Протяни мне ладонь,
Тополек,
Сквозь решетку
На мой подоконник...

КОРНИ И КРОНЫ

«Стой... че-ло-век...»
Застыл я, не дыша:

Ржавь проволоки,
Вышки да березы.
Я камень сдвинул,
А под ним — душа.
Прильнул к травинкам —
Зазвенели слезы.

* * *

Здесь я в детстве летал!
И в нежнейшем
Ракитовом лепете
Есть мой радостный голос.
Так больше теперь не поют.
Злые силы меня превратили
В ослепшего лебедя
И пустили на волю,
Открыв заповедник-уют.
Крылья волю почуяли,
Если взлетали, вы знаете!
Небо, воля и крылья,
И ветры манили меня.
Ведь глухие сердца
Не сумели лишить меня памяти —
Чем я жил и живу,
Буду жить до последнего дня.
Время желтых раkit.
...За последними, может, метелями
Там, в суровом краю,
Если слышишь меня,
Ты поймешь,
Для кого на земле,
Окантованной пихтами-елями,
Пишет тайные знаки,
Шипя по периметру, дождь.
Время желтых раkit..
Как мы поздно становимся мудрыми,
Так нелепо приветствуя
Мыслей не наших полон.
Лики храмов бревенчатых,
Слушайте голос заутрени.
Возвратилась душа моя
К вам,
На последний поклон.

* * *

Все мы мним себя в жизни пригорками,
Тратя годы
На зависть, на спесь.

В этом больше смешного,
Чем горького,
Но, конечно, и горькое есть.
За двойными оконными рамами,
Задыхаясь в духовной пыли,
Умиляемся битвами ранними,
Знать не зная,
А что обрели?
Завтра подвиг
Безумьем окажется —
Это нынче у всех на виду!
Мысли, чувства —
Как летние саженьцы,
В оглушающе зимнем саду...

МОСТ

И мысль горит, и жизнь течет,
И есть у памяти свой счет.
Страшась отцовского клейма,
Пойдут сыны без биографий.
От сына отречется мать.
Ибо отрекшийся — потрафил:
Рассек связующую нить.
Ни доли общей нет, ни боли.
Кого отрекшимся винить
За четвертованную волю?
Так народится гриб-гибрид,
Зачатый страхом и пороком,
И мост Истории сгорит,
Края обуглив
Двум дорогам.

МУЖИК

Недавно в гости не просили,
Сегодня грабят.
Воронье,
Не надо каркать о России,
Вы трижды
Предали ее.
Кровь полевая не остыла.
Непостижимо:
Не враги —
Извечные каптеры тыла
Опять сгибают в три дуги
Того, кто мыкал все напасти,
Да в самый смак,
Да в самый шик
Тебя, Архангел серой масти,
Российский спившийся мужик!

Не от трудов душа сломалась,
От вечной лжи
Ты сдал хребтом.
И если б выпрямился малость,
Стоял бы в уровень
С Христом.

КРУГ

Суждено ли нам выйти из круга
Нищих благ, планетарных потерь?
Суждено ли понять нам друг друга
Не когда-то потом,
А теперь?
Суждена ль нам
Гармония в целом,
Если тело и дух не равны?
Если ваша душа не мертвела
На гигантских этапах страны?
Если ваша свобода — в субботу?
Через пеплы,
Кровищу и грязь
Я ходил умирать за свободу,
Обретенной неволей гордясь.

* * *

Престижные квартиры,
Развальнохи,
Невольные и вольные рабы,
Апостолы, герон,
Воры, шлюхи —
Все из нее,
Из классовой борьбы.
Моя расплата —
Понял —
Та борьба
Плодит бедлам,
Разор, разбой, усталость.
Взглянул в себя:
Там больше нет раба.
Но Человека
Тоже не осталось.

* * *

С тех пор,
Как был распят Христос,
Мечом шла милость на немилость.
Так много крови пролилось...
Чтоб ничего не изменилось.